

МИФО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В ПОЭЗИИ АСИЯТ КАРМОВОЙ

И.Э. Жугова

В статье впервые рассматривается проблема национального своеобразия литературы и роль и значение индивидуально-авторского мастерства писателя в его художественном воплощении на примере творчества адыгской (кабардинской) поэтессы Асият Кармовой. Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что в современном адыгском и, в целом, в северокавказском литературоведении малоизученными остаются вопросы, связанные с художественным осмыслением и освещением этнокультурных ценностей, национального характера, истории этноса и т.д. Цель исследования заключается в выявлении мифо-фольклорных образов и мотивов поэзии А. Кармовой, выступающих доминантными маркерами как идиостилия поэтессы, так и адыгской поэзии новейшего времени. В соответствии с поставленной целью в статье исследуется мифо-фольклорная основа произведений и представленный в них символический мир образов. В ходе анализа стихотворений и баллады «Венера» выявляются эстетико-философские представления адыгов о мистическом, сакральном, чудесном, духовном мире и месте этнонационального в нем. Детализированному анализу подвержены образы Тха, Уашхо, Шибле, Псатхи, Псыхогуаши, уда, Наишуидзи, Малечипх и др. Отдельное внимание уделяется поэтике произведений, рассматриваются особенности поэтического языка А. Кармовой. В статье применяется ряд научных методов, в числе которых наблюдение, анализ, описание, сравнительно-исторический и герменевтический методы. В результате проведенного исследования делается вывод о высшей степени насыщенности творчества поэтессы образами-символами, куклами, концептами, архетипами, мифологемами, в совокупности своей представляющими адыгскую этно- и лингвокультурную картину мира.

Ключевые слова: адыгская (кабардинская) поэзия, Асият Кармова, мифо-фольклорный образ, мотив, национальная идентичность, этнокультурная информация.

Для цитирования: Жугова И.Э. Мифо-фольклорные образы и мотивы в поэзии Асият Кармовой // Известия СОИГСИ. 2025. Вып. 55 (94). С.143-154. DOI: 10.46698/VNC.2025.94.55.008

Поступила в редколлегию: 14.02. 2025 г.

Адыгская (черкесская) мифология и устно-поэтическое творчество, их традиционные сюжеты и мотивы, а также устоявшиеся в них образы и символы стали основой письменной художественной словесности – профессиональной литературы – с раннего этапа ее формирования, который, как известно, приходится на начало XX в. С этого времени до последнего десятилетия прошлого века адыгская литература активно развивалась в общем потоке отечественного литературного процесса, с од-

ной стороны, соответствуя идеологии правившей советской власти, с другой, сохраняя и развивая (усиливая, ярко проявляя) свою этнокультурную идентичность, тесную связь с мифологией и фольклором. Вместе с тем «национальность» литературы не была столь отчетливо выражена, как в последующие периоды – как в настоящее время, например.

Национальное своеобразие современной художественной словесности во многом обусловлена тем, что в постсоветские 1990-е гг. в общественно-политической и экономической жизни страны произошли значительные изменения, которые в известной степени привели к трансформации эволюционной парадигмы культуры и литературы. Преодолев идеологические установки и определенную шаблонность (схематизм), адыгская литература, как и многие другие новописьменные литературы народов Северного Кавказа, «вернулась» к истокам – наиболее выраженному и полному освещению истории, традиций, быта этноса. Это было очень значимо, так как именно в этноментальной идентичности, на наш взгляд, заключается уникальность каждой литературы и творчества отдельно взятого автора, ярким примером которого является поэзия кабардинской поэтессы Асият Кармовой.

Асият Абубекировна Кармова (1965 г.р.) вступила в литературный процесс относительно недавно – в 2010-е гг., когда на страницах республиканских периодических изданий начали появляться первые публика-

ции ее произведений. В 2018 г. вышел в свет ее единственный на сегодняшний день поэтический сборник «А на том берегу» («АдрыщI ныджэ», 2018). Она также работает в малых жанрах прозы: рассказ «Заброшенные дома» («Унэ бгынэжахэр») опубликован в 2016 г. в газете «Адыгское слово» («Адыгэ псалгэ»).

А. Кармова пишет на родном кабардино-черкесском и русском языках, параллельно занимается переводческой деятельностью: в 2019 г. в ее переводе на кабардино-черкесский язык вышла в свет книга стихов «Отметина» («Лъабзэ») русскоязычной кабардинской поэтессы Инны Кашежевой (более подробно о творческой биографии А. Кармовой см.: [1, 89–91]).

Особенность поэзии Кармовой состоит в том, что она пронизана мифо-фольклорными образами и мотивами, архетипами, концептами, символами; произведения построены на исключительно национальном (адыгском) восприятии мира. Все это придает ее поэтическому слову особое философско-символическое звучание и глубоко этноспецифичное смысловое наполнение, транслирующее базовые коды мировоззрения этноса. В этой связи вполне естественно, что и язык поэзии Кармовой созвучен содержанию ее стихов, стихотворений в прозе, баллад. Несмотря на архаическую тональность, он соответствует художественному слогу современности и формирует принципиально новые смысловые категории и оригинальные способы их репрезентации. Подобное гармо-

ном царстве, поднебесье); *Тхъэ Закъуэ* [3, 83] – Тха Единый; *къытицхъэщыт гуащIэ* [3, 85] – сила, стоящая над нами; *Закъуащэ* [3, 85] – букв. «совсем одинокий», в знач. «единый/единственный»; *ДыкъэзыгъэщIа* [3, 115] – Создатель; *Алыхъ* [3, 156] – Аллах; *Тхъэшхуэу къэгъэщIыгъэр зи Iэужь* [3, 168] – Великий Тха – создатель всего сущего; *[сынихъэжынууц] Уи Пащхъэ* [3, 176] – [предстану] Пред Тобой. Такое разнообразие в способах воссоздания образа Творца свидетельствует о генетической связи поэзии Кармовой с древними мифологическими и религиозными представлениями адыгов, в целом, с жизнью этноса – его прошлым и настоящим.

В творчестве поэтессы наблюдаются и другие случаи обращения к адыгским (черкесским) космогоническим мифам и образам. Один из наиболее часто встречающихся – *Уащхъуэ/Уашхо* (бог неба). В произведениях А. Кармовой этот образ интерпретируется именно в соответствии с мифологическими представлениями о нем как о божестве. В стихотворении «Край» («Лъахэ») присутствует следующее обращение лирической героини к нему: «– *Уащхъуэу дахэ псор зи къэгъэщIыгъэ! / Сыхэгъаплъэ псысэм зызгъэщIыху...*» [3, 17]. – «– Уашхо, создатель всего прекрасного! / Дай мне сказкой сполна насладиться...»

В другом стихотворении «А на том берегу» («АдрыщI ныджэ») героиня, обращаясь к неизвестному лицу, просит его именем Уашхо (по известной формуле «богом прошу»):

«*Ухунэмысу пIалъэр къэсрэ – / Къысхурашэжмэ хъэдэгъэпскI, / УзогъэлъэIур Уащхъуэ и псэр: / БалъкъыпскIэ, кхъыIэ, сегъэгъэпскI!»* [3, 47]. – «Когда придет пора моей кончины – / И пригласят для меня человека, обмывающего покойника, / Прошу тебя душой Уашхо: / Пусть обмоют меня водой из Малки». В последнем из приведенных фрагментов заложено сразу несколько этнокультурных кодов, объективированных в образах: 1) *Уашхо*, который, по данным некоторых источников, встречается не только в мифологии адыгов, но и ряда других народов: абазин, абхазов, убыхов, осетин, и даже у праотцов адыгов – хаттов [4, 317]; 2) *хъэдэгъэпскI* – в исламской религии человек, обмывающий тело покойника перед погребением; 3) *Балъкъыпск* – букв. «вода из реки Малка», протекающей близ селения Каменноостское (в прошлом Кармово) Зольского района КБР, в котором родилась поэтесса. По степени наполненности этноспецифической информацией эти образы, конечно же, не равнозначны: первый из них охватывает несколько этносов; второй имплицитно в своей семантике определяет религию и множество народов, исповедующих ее; третий – объективирует реальный топос, символизирующий малую родину поэтессы. Но в совокупности своей они характеризуют этнокультурный и духовный мир адыгов.

Как отмечает исследователь адыгской мифологии А.Т. Шортанов, «Имя этого божества (Уашхо. – И.Ж.) встречается в заклинаниях

и клятвенных формах обращений, в сказках, легендах, в нартском эпосе. Именем Уашхо клянутся в основном женщины» [2, 67]. Далее приводится константная форма клятвы именем Уашхо, начинающаяся со слов «Уащхъуэ мыващхъуэ кІанэ...» – букв. «Уашхо, камень – синевой (отливающий) кусочек...» [2, 67], то есть «Синим небом и синим осколком камня клянусь» [2, 300].

В «Энциклопедии черкесской мифологии» М.И. Мижаева и М.М. Паштовой зафиксировано еще несколько клятвенных формул с компонентом «Уащхъуэ/Уашхо»: «Уащхъуэ тхъэ соІуэ» [4, 316]. – «Именем бога Уашхо клянусь», «Уащхъуэ ди кван» [4, 316]. – «Уашхо наш кан (букв. – воспитанник)» и т.д.

В поэзии А. Кармовой встречается элемент *мыващхъуэ кІанэ* – «синевой отливающий кусочек камня», который явно выражено не является компонентом процитированного выше клятвенного изречения и приводится без Уашхо. Тем не менее в адыгской лингвокультурной картине мира этот сакральный камень в любом контексте выступает символом надежного слова, клятвы. Его наличие в тексте автоматически предполагает присутствие (даже если имплицированное) Уашхо, именем которого дается клятва. В одноименном стихотворении «Синий осколок камня» («Мыващхъуэ кІанэ») поэтесса приводит его именно в таком формате:

*Мыващхъуэ кІанэ – уафэ бзий хъуаскІэ –
Дэп маскІэ Іунэ – мафІэзэщІэдз –*

*Щыблэ блэ кІанцІэу пхузогъэхъуэтскІри, –
КІэтх даришблу сощІ пкІэлъейдз!* [3, 46]

Синий осколок камня – небесного луча
искра –
Раскаленный деревянный гвоздь –
источник огня –
Шибле заставляю семь раз для тебя
разразиться, [и] –
Семярусной шелковой каймою
застилаю путь по лестнице.

Приведенный фрагмент сложен для восприятия, в том числе и на языке оригинала. В данном случае для нас важно продемонстрировать присутствие в тексте элементов адыгской мифологии: помимо синего камня с сакральной символикой, здесь упоминается еще один образ, связанный с небом, так называемый «небожитель» *Щыблэ/Шибле* – «владыка неба», бог молнии и грома в мифологии адыгских народов [см.: 5, 89–106]. Кроме упоминания в процитированном фрагменте, образ *Щыблэ/Шибле* в творчестве поэтессы больше не встречается, вместе с тем она обращается к другим космогоническим божествам и небожителям – *Псатхъэ/Псатха* (бог души), *ГъуэбжэжъуэщІ/Гобжогош* (божество света и добра), *Дыгъэ/Солнце*.

В поэзии Кармовой также широко представлены образы хтонических божеств адыгской (черкесской) мифологии – в основном из женского пантеона. Так, значительное место в ней занимает *Псыхъуэгуащэ/Псыхогуаша*, по А.Т. Шортанову – «*Псыхъуэ-Гуащэ/Псыха-Гуаша* (каб.), *Псы-Гуаш* (адыг.) – «хозяйка, госпожа воды», по Л.Я. Люлье – «дева вод

речных» [см.: 2, 241], по М.И. Мижаеву и М.М. Паштовой – *Псыхъу-э-Гуащэ, Псыхъогуащ, Псыгощахь* [4, 237]. В адыгской литературе XX в. она нашла воплощение прежде всего в образе прекрасной и недостижимой девушки/женщины, объекта любви и боготворения – например, в стихотворениях «Моя Псыхогуаша» («Си Псыхъуэгуащэр») Б. Куашева, «На берегу моря» («Тенджыз Иуфэм», 1969) Л. Губжокова и др.

На современном этапе Псыхогуаша чаще всего встречается в женской поэзии как олицетворение образа лирической героини, прототипом которой часто выступает автор произведения. Поэтессы, как правило, ассоциируют себя с этим прекрасным мифическим персонажем, подчеркивая некоторые черты своей внешности и характера, а в ряде случаев открыто демонстрируя желание быть похожей на Псыхогуаша. Эти факты подтверждают наличие генетического кода, зашифрованного в сознании авторов и проявляющегося в их творчестве в виде архетипов, мифологем и символов.

Согласимся с мнением о том, что «в адыгской поэзии можно выделить универсальные мотивы и образы, выходящие за рамки индивидуального авторского сознания и принадлежащие поэтическому сознанию всего этноса, характеризующие его мировоззрение и мировосприятие» [5, 106]. В числе таких ключевых образов в первую очередь следует указать *Псыхъуэгуащэ/Псыхогуаша*. В одноименном стихотворении А. Кармовой проявилась мифическая

природа данного образа. Особую выраженность ему придает то, что прямым нарратором в нем выступает лирическая героиня в лице Псыхогуаши. Автором акцентируется ее красота, женственность и необычайная сила, перед которой робеют даже представители сильного пола:

*Псым сеIущащэу сы-Псыхъуэгуащэцц...
Гуащэу щыIэм сагъэтIуанэ.*

*Уанэ тезылъхъэр къысщомэхъашэ,
Шум я нэхъ хъыжьвэр согъэльэпантхуэ*
[3, 55].

Я Псыхогуаша, шепчущаяся с водой,
Все княгини видят во мне соперницу.

Каждый седлающий коня
(мужской пол. – И.Ж.),
побаивается меня,
Самого смелого всадника сбиваю с ног.

Здесь важно обратить внимание и на композиционные особенности стиха, по которым он близок к фольклорным песням, а именно к женским песням или песням-плачам (*гъыбзэ/гыбза*). В частности, по ритмике своей, структуре в целом и отчасти по содержательным (в плане тематики и проблематики) свойствам рассматриваемое произведение напоминает «Песню Хымсад» («Хъымсад и уэрэд» или «Хъымсад и гъыбзэ»), «Гуашамахо» («Гуащэмахуэ»), которые исполняются от женского и одновременного от первого лица. Другими словами, в поэтике стиха имплицирована этнокультурная информация о звуковой и синтаксической организации адыгского народного стиха.

Далее в стихотворении приводится описание внешности Псыхогуаша:

*Тхууэ зэгуэблэр си кIэмажъэщ,
Мажъэдзэу зесхъэр аргъей дзажэщ*
[3, 55].

Плавники мои пятилопастные,
В качестве расчески использую ребра
лососа.

Во второй из приведенных строк содержится имплицитная информация о густых и длинных волосах Псыхогуаши, которые можно расчесать только с помощью прочной расчески, изготовленной из ребра лососа. Здесь также следует отметить некоторые особенности поэтики стиха: строки сочетаются «двойной» [более подробно о специфике двойного рифмования см.: 6, 225–273; 7, 719–724] и даже тройной рифмой. Конец первой и начало второй строк связаны фольклорной рифмой *кIэмажъэщ – мажъэдзэу*; концы строк – парной концевой рифмой *кIэмажъэщ – дзажэщ*; во второй строке наблюдается действие внутренней рифмы, обеспечивающей созвучие начала и конца строки – *мажъэдзэу – дзажэщ*. Таким образом, наблюдаем весьма интересный процесс, при котором, одна лексема (например, *кIэмажъэ, мажъэдзэ, дзажэ*) одновременно принимает участие в образовании нескольких разновидностей рифм. Все обозначенное в очередной раз подчеркивает уникальность и этноспецифичность поэтического слога А. Кармовой.

Заметное место в творчестве поэтессы занимают и тератологические типы (или образы) адыгской (черкесской) мифологии – такие как *НэжъгъуицIыдзэ/НэщIгъуицIыдзэ/Нашгушидзе* – «старуха с железными зубами и с огромными перекинутыми через плечо грудями» [2, 270], близкий аналог русской Бабы-Яги (см.: [4, 229–230]); *Уд* – один из носителей зла, ведьма, колдунья (см.: [2, 270–276]). Эти персонажи стали главными действующими лицами ряде стихотворений и балладе «Венера» («Нэхушвагъуэ» – букв. «пред-рассветная звезда») Кармовой.

В первой части баллады, озаглавленной как «Танец уда» («Уд къафэ»), лирическая героиня позиционирует себя как мифическое существо: она называет себя удам, а окружающие – главной среди Нашгушидз. Вот ее характеристика собственного образа: «*Зэрытсыжу сыудгуаицэщ!*» [3, 50]. – «Я блистательная уд-княгиня!»; «*Гъуазэу сIыгъыр мо Шыхуль-агъуэри, / Фыкъызэплъмэ... Сыт си дагъуэ?!*» [3, 51]. – «Держу ориентир на Млечный Путь, / Если посмотрите на меня... В чем мои изъяны?!». А вот как разные небожители отзываются о ней: «*Зинэ пцаицэ!*» [3, 51]. – букв. «Грешная девушка (грешница)!»; «*Зинэ щIакIуэ ихъэж пцаицэ – / НэжъгъуицIыдзэхэм я Гуаицэ*» [3, 51]. – «Девушка, совершающая грех – / Княгиня Нашгушидз». Из приведенных примеров становится очевидным, что, помимо общепринятой интерпретации образов уда и *Нашгушидзы*, в этническом сознании адыгов закрепилось дополни-

тельное представление о них, как о хитрых, но умных персонажах. Так, например, об очень сообразительном и мудром не по годам человеке (часто о ребенке) в народе говорят «уд *щIэж*» – «отросток уда» или называют его *НэжьгъушIыдзэ/Нашгушидза* – «Уэри уэ, НэжьгъушIыдзэ!» – «Эх ты, Нашгушидза!» или «Ари ар, нэсри къэсыжауэ *НэщIгъушIыдзэщ*» – «Эх, она настоящая Нашгушидза!»

В одной из продемонстрированных выше иллюстраций из лирики Кармовой также присутствует «архетипический топос» (термин З. Хайнади) *Шыхулъагъуэ – Млечный Путь*, с которым связано множество легенд, бытующих в адыгском этносе. Согласно одной из них Млечный Путь был прочерчен неизвестным смелым всадником, который во времена Всемирного потопа спас табун лошадей, угнав их на небо [см.: 8, 36]. След, высеченный искрами из-под копыт этих лошадей и отразившийся на небосводе в виде светящегося пути, получил в народе название *Шыхулъагъуэ* – *шы* (лошадь, конь) + *ху[н]* (гнать) + *лъагъуэ* (тропа, дорога). Этот путь в народе считается своеобразным маяком, ориентиром, ведущим в некоторое светлое, полное надежд пространство, в волшебный мир. В этом же аспекте данная мифологема объективирована в творчестве А. Кармовой.

К образам уда и Нашгушидзе близка и *Мэлэчыхъу/Малечипх* из адыгской версии нартского эпоса и объективированная в лирике А. Кармовой. Ученые-фольклористы М.Ф. Бухуров и Л.С. Хагожеева

отмечают архаические черты данного персонажа: «Малечипх <...> обладает магическими способностями. Она общается на языке зверей и птиц, ее понимают все объекты природы – река, солнце, ветер и пр.; сбываются все ее благопожелания, исполняются ее просьбы к силам природы и даже проклятия. Все это позволяет отнести ее образ к типологическому ряду древних персонажей (Тхагаледж, Сатаней, Уарсариж, Адиух и др.) архаического эпоса» [9, 106]. Таким образом, Малечипх – мифо-фольклорный персонаж, героиня, ставшая «лицетворением семейной идиллии (что включает в себя умение выразиться иносказательно и способность передавать и понимать знаки мужа), женской верности, мудрости и острого ума» [9, 107]. Такой же она представлена в поэзии А. Кармовой. В стихотворении «Малечипх» («Мэлэчыхъу»), выстроенном в форме диалога-прения между лирической героиней и ее супругом, этот образ предстает в точном соответствии с фольклорной Малечипх. В реплике супруга, например, содержится следующая ее характеристика:

– Дэнэ къикIа гестапэ?
Сыт хуэдэ ЦРУ?
Тури къыдигъэплъынкъым
Уэ, Мэлэчыхъу, уигу жьындум!
Уи бзэр джатэ зэблэдзици,
Уи жьэр маисэ щхъухъици,
БжесIэр нэж зэфэзэцими,
ЖьакIуэу зэпыбогъэщхъ...
<...>
Егъуу емынэ кIаблэр
Арищ уицIыхэмыхъуар!

[3, 63]

– Да что там гестапо?
 Какое ЦРУ?
 Обоих превзойдет
 Твое, Малечипх, свиное сердце!
 Речь твоя подобна размаху сабли,
 Язык твой остер, словно меч с отравой,
 Даже если говорю тебе истинную
 правду,
 Острословием своим обрубашь
 [разговор]...
 <...>
 Чудовищная противница ненавистная,
 Вот почему ты осталась низкорослой!

В нартских сказаниях также зафиксировано, что Малечипх была низкого роста. Это значит, что поэтесса сохранила в своем произведении все основные черты этого фольклорного персонажа, начиная от внешности и заканчивая ее несносным характером, остроумием и острословием.

Таким образом, творчество А. Кармовой может быть признано мини-энциклопедией жизни адыгов, в которой отражена информация об этносе – истории, мифологии, фольклоре, верованиях, культах, ритуалах, обрядах, приметах и т.д. При этом рассмотренными выше образами и мотивами далеко не исчерпывается список этнокультурных маркеров, представленных в лирике поэтессы. В ней также объективированы и художественно оригинально воссозданы образы героев нартского эпоса: *Ашэмэз/Ашмез*, *Бэдынокъуэ/Бадиноко*, *Уэрсэрыжь/Орсариж*, сказочных персонажей *ШыкъумцИий/*

Шукумций, *ЦыкІураш/Цукураш*, *КъуийцІыкІу/Куйцук*, крылатого волшебного коня *алъп/альп* и коня нарта Бадиноко по имени *КъарапцІэ/Карапца* и мн. др. Кроме того, в творчестве А. Кармовой встречаются адыгские культы *Хъэнциэгущэ/Ханцагуаша* (по А.Т. Шортанову – Ханце-Гуаше) и *Ажэгъафэ/Ажагафа*, интересные интерпретации древних обрядов и ритуалов адыгов – *щІэпщакІуэ/чапщ* (по А.Т. Шортанову – капщ), *гъуджэиплгъэ/гадание на зеркале*, *блэгъуиплгъэ/гадание на лопатке скота* (обычно на бараньей лопатке), *гуцэкъуибзэ/обряд надреза стойки колыбели новорожденной* – «так называемое колыбельное (люлечное) обручение; древний обряд помолвки новорожденной, при котором по договоренности родителей делают надрез на стойке колыбели девочки» [10, 86; 90] и т.д.

Все вышеперечисленное составляет перспективу дальнейших наших исследований по заявленной теме, в том числе по творчеству других авторов. Вместе с тем на настоящем этапе рассмотренный в статье материал позволяет сделать главный вывод о том, что адыгская поэзия уникальна национальным своеобразием и такими творческими индивидуальностями как Асият Кармова. Лирика поэтессы содержит целостное представление о мифопоэтических и мифорелигиозных традициях адыгов.

1. Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX–XXI вв. Биобиблиографический словарь. В 3-х т. / Под ред. Л.Б. Хавжоковой. Нальчик: Принт Центр, 2022. Т. II: К–П 434 с.
2. Шортанов А.Т. Адыгская (черкесская) мифология и культуры. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2016. 496 с.
3. Кармова А.А. А на том берегу [на каб.-черк. яз.: АдрыщI ныджэ]. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2018. 232 с.
4. Мижгаев М.И., Паштова М.М. Энциклопедия черкесской мифологии [на каб.-черк. яз.: Адыгэ мифологием и энциклопедие]. Майкоп: ИП «Паштов З.В.», 2012. 460 с.
5. Хавжокова Л.Б. Художественное осмысление темы Кавказской войны и махаджирства в адыгской поэзии. Нальчик: Печатный двор, 2016. 192 с.
6. Хавжокова Л.Б. Эволюция системы адыгского стихосложения. Нальчик: Принт Центр, 2022. 372 с.
7. Хавжокова Л.Б. Рифма в адыгской версификации: специфика «двойного рифмования» и освоение концевой рифмы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 3. С. 719–724.
8. Баков Х.И. Национальное и индивидуальное в поэзии Алима Кешокова // Вопросы кавказской филологии. 2014. № 10. С. 30–40.
9. Бухуров М.Ф., Хагожева Л.С. Мотивы позднего типа в сказаниях о Малечипх // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 4-1 (47). С. 105–114.
10. Сабанчиева Л.Х. Семья и семейная обрядность кабардинцев: между традицией и модернизацией. Нальчик: КБИГИ, 2015. 180 с.

Zhugova, Inna E. – Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS (Nalchik, Russia); inna_zhugova@mail.ru

MYTH-FOLKLORE IMAGES AND MOTIVES IN ASIYAT KARMOVA'S POETRY.

Keywords: Adyghe (Kabardian) poetry, Asiyat Karmova, mytho-folklore image, motif, national identity, ethnocultural information.

The article for the first time examines the problem of national originality of literature and the role and significance of the individual author's skill of the writer in its artistic embodiment using the example of the work of the Adyghe (Kabardian) poetess Asiyat Karmova. The relevance of the stated topic is due to the fact that in modern Adyghe and, in general, in North Caucasian literary criticism, issues related to artistic understanding and coverage of ethnocultural values, national character, history of the ethnic group, etc. remain poorly studied. The purpose of the study is to identify mytho-folklore images and motifs of A. Karmova's poetry, which act as dominant markers of both the idiostyle of

the poetess and Adyghe poetry of modern times. In accordance with the stated goal, the article examines the mytho-folklore basis of the works and the symbolic world of images presented in them. In the course of the analysis of poems and the ballad “Venus”, the aesthetic and philosophical ideas of the Adyghe about the mystical, sacred, miraculous, spiritual world and the place of the ethno-national in it are revealed. The images of Tkha, Uashkho, Shible, Psatha, Psykhoguasha, ud, Nashgushidzaa, Malechipkh and others are subject to detailed analysis. Special attention is paid to the poetics of the works, the features of the poetic language of A. Karmova are considered. The article uses a number of scientific methods, including observation, analysis, description, comparative-historical and hermeneutic methods. As a study result, a conclusion is made about the highest degree of saturation of the poetess’s work with images-symbols, cults, concepts, archetypes, mythologemes, which together represent the Adyghe ethno- and linguacultural picture of the world.

For citation: Zhugova, I.E. *Mytho-folklore images and motives in Asiyat Karmova’s poetry* // *Izvestiya SOIGSI*. 2025. Iss. 55 (94). Pp. 143- 154. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2025.94.55.008

References

1. Khavzhokova, L.B. (ed.). *Adygskie (adygeiskie, kabardinskie, cherkesskie, cherkesskogo zarubezh’ya) pisateli XIX–XXI vv. Biobibliograficheskii slovar’*. V 3-kh t. [Adyghe (Adyghe, Kabardian, Circassian, Circassian diaspora) writers of the 19th–21st centuries. Biographical dictionary. In 3 vols]. Nalchik, Print Tsentr, 2022, vol. II: K–P. 434 p.
2. Shortanov, A.T. *Adygskaya (cherkesskaya) mifologiya i kul’ty* [Adyghe (Circassian) mythology and cults]. Nalchik, Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2016. 496 p.
3. Karmova, A.A. *A na tom beregu* [And on that shore]. Nalchik, Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2018. 232 p. (In Kabardino-Circassian)
4. Mizhaev, M.I., Pashtova, M.M. *Entsiklopediya cherkesskoi mifologii* [Encyclopedia of Circassian mythology]. Maykop, Pashtov Z.V., 2012. 460 p. (In Kabardino-Circassian)
5. Khavzhokova, L.B. *Khudozhestvennoe osmyslenie temy Kavkazskoi voiny i makhadzhirstva v adygskoj poezii* [Artistic understanding of the theme of the Caucasian War and Muhajirstvo in Adyghe poetry]. Nalchik, Pechatnyi dvor, 2016. 192 p.
6. Khavzhokova, L.B. *Evolyutsiya sistemy adygskogo stikhoslozheniya* [Evolution of the system of Adyghe versification]. Nalchik, Print Tsentr, 2022. 372 p.
7. Khavzhokova, L.B. *Rifma v adygskoj versifikatsii: spetsifika «dvojnogo rifmovaniya» i osvoenie kontsevoi rifmy* [Rhyme in Adyghe versification: the specifics of “double rhyme” and the development of end rhyme]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2023, vol. 16, no. 3, pp. 719–724.

8. Bakov, Kh.I. *Natsional'noe i individual'noe v poezii Alima Keshokova* [National and Individual in the Poetry of Alim Keshokov]. *Voprosy Kavkazskoi filologii* [Issues of Caucasian Philology]. 2014, no. 10, pp. 30–40.

9. Bukhurov, M.F., Khagozheeva, L.S. *Motivypozdnego tipa v skazaniyakh o Malechipkh* [Late-Type Motifs in Tales about Malechipkh]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy* [Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanities]. 2020, no. 4-1 (47), pp. 105–114.

10. Sabanchieva, L.Kh. *Sem'ya i semeinaya obryadnost' kabardintsev: mezhdou traditsiei i modernizatsiei* [Family and Family Rituals of the Kabardians: Between Tradition and Modernization]. Nalchik, Kabardino-Balkarian Institute for Humanities, 2015. 180 p.